

Д.В. Ульянинский

Среди книг и их друзей

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Д11

Д11 **Д.В. Ульянинский**
Среди книг и их друзей: Часть 1 / Д.В. Ульянинский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 146 с.

ISBN 978-5-518-07160-5

ISBN 978-5-518-07160-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая часть распадается на двѣ половины: первая посвящена моимъ воспоминаніямъ и замѣткамъ о библіофильскомъ собирательствѣ, а во второй я дѣлаю попытку дать—единственный пока—общій обзоръ русскихъ книжныхъ росписей XVIII вѣка, представляющихъ собою обильный, но почти не использованный до сихъ поръ библіографическій матеріалъ.

Замѣтки мои и воспоминанія могутъ имѣть интересъ только для любителя. Библіофилъ или вообще коллекціонеръ меня пойметъ; съ человѣкомъ-же, ничего не собирающимъ, мы будемъ говорить на разныхъ языкахъ, и многое въ послѣдующемъ изложеніи покажется ему страннымъ или утрированнымъ.

Равнымъ образомъ и вторая половина съ обзоромъ старинныхъ книжныхъ росписей представляетъ интересъ лишь для специалиста-библіографа. Поэтому лицо, стоящее далеко отъ всѣхъ этихъ вопросовъ, пусть лучше совсѣмъ не читаетъ моей книги, подобно тому, какъ я самъ, напр., не стану читать сочиненія по гистологіи или интеграламъ.

Своихъ-же собратьевъ по книжной страсти и гг. бібліографовъ я прошу отнестись снисходительно ко всему моему скромному и безпритязательному труду. Если кому-нибудь угодно будетъ почтить меня тѣми или другими поправками и указаніями, то я останусь искренно признателенъ за это. Мой адресъ—Москва, Пречистенскій бул., д. Удѣльнаго Округа. Дм. Вас. Ульянинскому.

Вторая часть этой книги будетъ посвящена подробно бібліографическому описанію моей бібліотеки и выйдетъ въ свѣтъ къ концу будущаго 1904 года.

Августъ 1903 г.

I.

Изъ воспоминаній и замѣтокъ
библіофила.

Если-бы меня спросили, какъ и когда я сталъ библио-филомъ и собирателемъ, то для отвѣта мнѣ пришлось-бы перенестись памятью въ давно прошедшую пору. Я росъ единственнымъ ребенкомъ въ семьѣ и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, дѣйствія взрослыхъ возбуждали во мнѣ сейчасъ-же подражательность. Достаточно было мнѣ, крохотному еще карапузику, видѣть отца, сидящаго на своемъ обычномъ мѣстѣ на диванѣ, съ газетой въ рукахъ и папиросой во рту, чтобы и я въ свою очередь забира-лся съ ножонками на диванъ, а тамъ, свернувъ трубочкой бумажку, изображавшую папиросу, и вооружившись газет-нымъ листомъ, представлялъ съ самой серьезной миной читальщика. И курьезнѣе всего то, что эта игра въ чтеніе была у меня одной изъ любимыхъ. Когда я подросъ не-много, я ужасно полюбилъ, чтобы мать читала мнѣ вслухъ, а я въ это время занимался рисованіемъ всего, что попа-далось на глаза. Самъ читать я научился какъ-то неза-мѣтно, но довольно поздно, лѣтъ около 7, и все сильнѣе и сильнѣе сталъ увлекаться чтеніемъ. Скоро всякія игруш-ки, и прежде то не очень меня занимавшія, потеряли для меня всякій интересъ и замѣнились книжкой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ непримѣтно въ моемъ дѣтскомъ суще-ствѣ начало пробуждаться желаніе и самому владѣть эти-ми книжками, въ которыхъ напечатаны такіе чудесные рассказы и помѣщены безподобныя картинки. Я сталъ про-сить, чтобы вмѣсто игрушекъ мнѣ покупали эти книжки. Какъ сейчасъ вижу такую картину: уважавшій по дѣламъ отецъ возвращается домой съ покупками; среди нихъ мои острые дѣтскіе глазенки живо различаютъ завернутую въ сѣрую бумагу какую-то книгу. Меня всего охватываетъ лихорадка ожиданія, что это такое? Скучная-ли книга боль-

шихъ или какая нибудь радость для меня-малыща. Отецъ неторопливо раздѣвается въ передней, а я юлю около него, весь поглощенный этимъ сѣрымъ сверткомъ. Вотъ онъ раздѣлся и, не обращая на меня вниманія, проходитъ въ свой кабинетъ, унося съ собой книгу. Я огорченъ до глубины души, такъ какъ очевидно, что сѣрый свертокъ не для меня. Но иногда отецъ протягиваетъ мнѣ эту невѣдомую еще книгу со словами: „Ну, Митя, получай!“ Я бурно бросаюсь ему на шею, крѣпко стискиваю ее ручонками, звонко-звонко цѣлую его, и вихремъ несусь затѣмъ къ себѣ разсматривать и читать запоемъ новую книжку.

Такихъ дѣтскихъ книгъ понемногу накопилось у меня нѣсколько десятковъ, и я никогда не уставалъ перечитывать ихъ безконечное число разъ. Между ними у меня были свои любимцы, съ которыми я ежедневно здоровался и прощался, цѣлуя ихъ. Сколько слезъ было пролито надъ нѣкоторыми трогательными разсказами, и какъ неизмѣнно я хохоталъ надъ другими, каждый разъ живо интересуясь всѣмъ ходомъ повѣствованія, какъ новымъ.

Подробностей, какія именно книжки входили въ составъ моей дѣтской библіотечки, я вспомнить теперь не могу. Въ памяти остался лишь общій фонъ этой ребяческой книжной любви, въ которомъ и кроется для меня вся суть. Да впрочемъ и тѣхъ книгъ теперь въ продажѣ не найдешь; имъ на смѣну пришли другія.

Однажды родители подарили мнѣ для моихъ книжекъ шкафчикъ. Восторгъ былъ неописуемый. Это былъ дешевенькій крашеный шкафъ съ глухой однопольной дверкой. Внутри онъ былъ грубо вымазанъ какой-то красной бурой краской. Я досталъ себѣ нѣсколько листовъ бѣлой писчей бумаги и упросилъ мать приказать сварить мнѣ на кухнѣ клейстеру. Когда его принесли, я самъ, тогда 9-ти лѣтній мальчуганъ, аккуратнѣйшимъ образомъ оклеилъ всю внутренность шкафчика бѣлой бумагой, а потомъ торжественно разставилъ на его полочкахъ всѣ свои книжные сокровища. И долго, долго послѣ этого моимъ любимымъ занятіемъ было, растворивъ настежь дверь моего

книгохранилища, усѣсться предъ нимъ за маленькій столикъ и читать или что—нибудь рисовать. Занимаясь, я часто отрывался отъ своего дѣла и съ блаженнымъ удовольствиемъ любовался рядами моихъ книжныхъ друзей.

Въ это время меня еще не пускали ходить одного по городу, и я ужасно любилъ гулять съ отцомъ, но на то была особая причина. Вотъ мы тихонько идемъ съ нимъ по Кіевской, главной улицѣ нашей Тулы, и я замираю, завидѣвъ издали милую вывѣску, на которой большими полинялыми золотыми буквами значится „Книжный магазинъ Пантелѣева“.

Потихоньку приближаемся мы къ завѣтной вывѣскѣ и почти неизмѣнно каждый разъ отецъ замѣчаетъ: „ну, а теперь можно будетъ и отдохнуть“ и мы, къ моему великому счастью, переступаемъ порогъ магазина, съ которымъ я не равнялъ ни одной другой лавки нашего города. Отецъ усаживается на стулъ, вынимаетъ папиросницу, закуриваетъ и начинаетъ бесѣду со старикомъ—хозяиномъ, который, по старой модѣ, ходилъ бритый, но брился онъ, должно быть, только предъ большими праздниками, такъ что его щетинистый сѣдой подбородокъ и коротенькіе отрастающіе усы неразрывно связывались въ моемъ дѣтскомъ представленіи съ колючимъ ежомъ, и этимъ прозвищемъ я про себя величалъ стараго книжника, сердитаго и желчнаго на видъ, хотя онъ очень любилъ меня и постоянно гладилъ по головкѣ, предрекая мнѣ несбывшуюся будущность „ученаго“. Пока отецъ бесѣдуетъ съ нимъ, я забираюсь за прилавокъ и прямо направляюсь къ тѣмъ полкамъ, гдѣ, какъ я хорошо зналъ, стояли дѣтскія книжки. Тамъ, въ упоеніи, забывъ все на свѣтѣ, я бережно вытаскиваю ихъ, переглядываю картинки, читаю и чуть не со слезами смотрю, когда отецъ наконецъ поднимается, застегиваетъ пальто, беретъ шляпу и палку и зоветъ меня домой. Дѣлать нечего; надо уходить. Прощайте, милыя книжки, до слѣдующаго раза!

Незамѣтно промчалась беззаботная золотая пора домашняго дѣтства. Вотъ суровая гимназія нашего губернскаго

города, вся пропитанная отошедшимъ теперь въ область воспоминаній Толстовскимъ классицизмомъ. Я былъ очень способный мальчикъ, шутя и скоро одолѣвавшій зловѣщіе для насъ, гимназистовъ, латинскіе и греческіе учебники. Для чтенія времени оставалось вдоволь, и я жадно и неустанно продолжалъ поглощать книги, но только эти книги становились постепенно серьезнѣе. Здѣсь или наши великіе писатели—Пушкинъ, Гоголь. Тургеневъ, Толстой или люди запада—Гете, Шекспиръ, Шиллеръ, Вальтеръ-Скотъ, Диккенсъ; а то историки, путешествія, сочиненія по естественнымъ наукамъ. Измѣнилось чтеніе, измѣнились и книги, приобретаемыя и даримыя для моей библіотеки. Первымъ настоящимъ сочиненіемъ, которое я самъ купилъ, будучи въ третьемъ классѣ гимназіи на скопленные отъ подарковъ деньги, было изданіе Гоголя, и до сихъ поръ занимающее почтенное мѣсто первенца въ моей теперешней библіотеки.

За нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ образцовыхъ писателей—словесниковъ и историковъ.

Оклеенный бумагой шкафчикъ смѣнился настоящимъ книжнымъ ясеневымъ шкафомъ со стеклянными дверцами. а затѣмъ къ нему присоединились еще два. Я былъ въ это время уже въ старшихъ классахъ гимназіи, давалъ уроки въ Ясной Полянѣ въ семьѣ графа Л. Н. Толстого и зарабатывалъ большія для гимназиста деньги до 40—50руб. въ мѣсяцъ. Живя на всемъ готовомъ у отца, я почти весь свой заработокъ тратилъ на книги. У меня постепенно формировалась хорошая и обширная для гимназиста библіотека, достигшая къ концу моего ученическаго курса до 400 званій (большая часть ея входитъ и теперь въ словесный отдѣлъ моего собранія).

Въ книжномъ дѣлѣ я тогда уже очень любилъ порядокъ. Всѣ мои книги были одинако переплетены и записаны въ особую тетрадь по отдѣламъ, въ авторномъ порядкѣ, причемъ я присвоилъ имъ извѣстные номера, которые выставлялъ на ярлычкахъ, наклеиваемыхъ на корешки переплетовъ. Довольно внимательно слѣдилъ я также за

всѣми новинками нашей литературы и исторіи и собиралъ попадавшіеся подъ руку книжные каталоги. Это были мои первые опыты по части библіографіи и библіотечнаго хозяйства. Помню, для меня не было ничего хуже, какъ ожидать выписанную изъ столицы книгу или, отдавъ книги въ переплетъ, считать дни, когда онѣ будутъ готовы. Я чуть не ежедневно начиналъ ходить къ старику-переплетчику, изрядному лѣнтю и кунктатору, съ разспросами, не готовы-ли уже мои книги, и доводилъ временами бѣдныгу до того, что онѣ начиналъ прятаться отъ меня. Въ нашемъ городѣ я особенно любилъ гулять по захолустнымъ окрайнимъ улицамъ, или въ полѣ, гдѣ не встрѣчалось никого знакомыхъ, и на свободѣ, во время этихъ прогулокъ, виталъ въ сферѣ книжныхъ мечтаній, раздумывая, что куплю въ ближайшіе мѣсяцы или какая у меня будетъ библіотека, когда я стану совсѣмъ большой. Этому прошло болѣе 20 лѣтъ, но, какъ вчерашнія, стоятъ предо мной эти одинокія прогулки юнаго библіофила-гимназиста, будя въ душѣ моей одни изъ самыхъ пріятныхъ отголосковъ книжнаго прошлаго. Покупка каждой книги была радостью; къ ней готовился задолго, и когда, бывало, летишь домой съ новымъ приобрѣтеніемъ подъ мышкой, кажется, и все-то вокругъ лучше и радуется твоей радостью. Книги покупались почти исключительно новыя, такъ какъ порядочныхъ букинистовъ у насъ не было, да и вкусъ къ стариннымъ книгамъ былъ для меня тогда непонятенъ.

Я чувствовалъ себя, какъ и прежде въ дѣтствѣ, необычайно хорошо въ томъ-же книжномъ магазинѣ Пантелѣева. Старики-хозяинъ уже умеръ, передавъ дѣло своему пріемному сыну, который служилъ у него раньше въ приказчикахъ. Съ молодымъ книжникомъ я состоялъ въ большой дружбѣ. Онѣ оставлялъ меня свободно лазать по полкамъ, рыться въ заднемъ темномъ отдѣленіи магазина и отыскивать интересныя для меня изданія. Съ великимъ удовольствіемъ послѣ этого лазанія, весь запыленный, усаживался я съ нимъ въ томъ-же миломъ задкѣ магазина за жиденькій тепловатый чай, коротая время въ книжной бесѣдѣ.

Мои визиты въ этотъ уютный уголокъ были самые частые, и зналъ я весь составъ магазина, пожалуй, не хуже самого хозяина.

Но вотъ подошли восьмидесятые года : прошлаго столѣтія. Изъ тихаго губернскаго города я попадаю въ Москву, въ Университетъ, и всей головой окунаюсь въ водоворотъ студенческой жизни.

Новые товарищи, новые запросы жизни. Театръ. Мы, провинціальныя студентики, ютимся по мебелирашкамъ; немногіе счастливыцы живутъ у родныхъ.

Библіотека поневолѣ оставлена тамъ, въ далекомъ родномъ домѣ. Высылаемыхъ отцомъ денегъ хватаетъ только на прожитіе и дешевыя развлеченія, и, конечно, ни о какихъ уже книжныхъ покупкахъ не можетъ быть и рѣчи. Для нихъ наступаетъ долгій перерывъ.

Промчались невозвратнымъ метеоромъ студенческіе годы, годы смѣлыхъ и свѣтлыхъ упованій, и вотъ въ послѣдній разъ вышли мы изъ университетскихъ стѣнъ, съ дипломами въ рукахъ.

Надо устраиваться, хлопотать о мѣстѣ, просить, получать отказы или предложенія навѣдаться чрезъ мѣсяцъ, полгода, годъ, когда можетъ оказаться ваканція. Однимъ словомъ, все по обычному порядку, повторяющемуся для юныхъ искателей мѣстъ изъ года въ годъ, и конца которому не предвидится никогда.

Большинство товарищей разбрелось по провинціи. Мнѣ посчастливилось устроиться въ Москвѣ. Потянулись шумной чередой первые годы самостоятельной жизни, когда вечернее свободное время проводилось преимущественно внѣ дома, но непримѣтно подошла пора отрезвленія отъ жизненнаго угара молодости.

Свой уютный домашній уголокъ сталъ манить неодолимо, властно. Я перевезъ къ себѣ въ Москву свою старую юношескую бібліотеку и, какъ давно не виданныхъ дорогихъ друзей, привѣтствовалъ распаковываемые книжные ящики. Были куплены новые шкафы, вскорѣ впрочемъ замѣненные другими, сдѣланными уже по моимъ специаль-

нымъ указаніямъ и рисункамъ. Былая, временно заглохшая, страсть къ книгамъ и ихъ приобрѣтенію вспыхнула не-
удержимо, и я всѣмъ своимъ существомъ устремился ей
на встрѣчу. Это было въ 1892 году. Съ тѣхъ поръ прошло
болѣе 11 лѣтъ. Я сталъ записнымъ библіофиломъ и не-
устаннымъ собирателемъ.

Какъ видите, мое стремленіе къ книгѣ давняго проис-
хожденія, какъ-бы прирожденное, ибо вѣдь вся моя еще
дѣтская любовь къ книгамъ выросла сама по себѣ, безъ
всякаго съ чьей либо стороны указанія или примѣра.

Но объяснить въ настоящее время вполне опредѣленно
и послѣдовательно, почему я для своей библіофильской биб-
ліотеки остановился на тѣхъ, а не на другихъ отдѣлахъ
знанія и преимущественно интересовался ими, я затруд-
няюсь. Такъ вышло, и результаты всего этого наполняютъ
въ огромной степени мою жизнь.

Частныя бібліотеки энціклопедическаго характера, охватывающія чуть не всѣ отрасли человѣческаго знанія, могли встрѣчаться только въ прежнее время, въ 18-мъ и началѣ 19-го столѣтія, когда ежегодный книжный приростъ былъ сравнительно незначителенъ, и богатые бібліофилы той эпохи могли собирать все лучшее, выходявшее изъ подъ печатнаго станка. Подобныя бібліотеки въ настоящее время являются достояніемъ лишь государственныхъ или крупныхъ общественныхъ учреждений, а частныя лица должны поневолѣ ограничивать себя извѣстными рамками и, беря эти рамки, соотвѣтственно своимъ средствамъ, шире или уже, стараться внутри ихъ создать нѣчто цѣльное и интересное. Этимъ принципомъ руководствуюсь и я въ собираніи своей бібліотеки, преимущественныя отдѣлы которой—бібліографическій, біографическій, родословный и сношенія Московской Руси съ чужими странами до начала царствованія Петра Великаго. Всѣхъ званій въ бібліотекѣ имѣется теперь свыше 2300, въ 3000 томахъ, причемъ журнальныя и книжныя вырѣзки въ счетъ не идутъ. Значительное число (до 700 №№) русскихъ и заграничныхъ (по части бібліографіи и Rossica) книгопродавческихъ и антикварныхъ каталоговъ также не въ счету. Ежегодное приращеніе бібліотеки простирается обычно отъ 150 до 200 званій.

Кромѣ книгъ въ бібліотекѣ имѣется обширная коллекція, относящаяся къ Св. Корѡнованію Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая II-го и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и состоящая изъ различныхъ объявленій, приглашеній, программъ, меню, билетовъ, отдѣльныхъ листовъ, народныхъ картинъ и портретовъ, а также небольшія коллекціи подобныхъ-же